

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ПРУССКИЕ НОЧИ

**YMCA-PRESS
PARIS**

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ПРУССКИЕ НОЧИ

поэма

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
75005 - PARIS

© World Copyright A. Soljenitsyne
© Русское издание, Умса-Press
1974

Расступись, земля чужая!
Растворь свой ворота!
Это наша удалая
Едет русская пехота!
Холмик, падь, мосток и холмик –
Стой! Сходи! По карте – тут.
Будет злая ведьма помнить
В небе зимнем наш салют!
Столько лет всё ближе, ближе
Подбирались, шли, ползли –
«Бат-тарей! Слушай! Трижды
В небо прусское – пали!!»
Шестьдесят их в ветрожоге
Смуглых, зло-веселых лиц.
По машинам! По дороге!
На Европу! – навались!
Враг – ни запахом, ни слухом.
Распушили пухом-духом!

Эх, закатым да-ле-ко!..
Только что-то нам дико
И на сердце не легко.
Странно глянуть сыздаля,
А вблизи – того дивней:
Непонятная земля,
Всё не так, как у людей,
Не как в Польше, не как дома –
Крыши кроют не соломой,
И сараи – под хоромы.
Как обрезало по мете –
Вьется путь по незнакомой,
По незнаемой планете.
Не по нашей русской мерке
Отработаны, шалишь,
Крутоскатных островерхих
Колпаки высоких крыш.
А и нам бы так годится,
Зря ругнули сгоряча:
Черепица, черепица,
Башни, теремы да шпицы
Да дома из кирпича.
Эт' и нам бы не плачевно,
Эт' и нам бы по душе –

Что *саша* – через деревню,
Что деревня – на *саше*.
Темным клубом из-за леса
Низко тучи наплывают.
Зимних сумерок завеса
Мглою к сердцу подступает.
Ночь долга, а день недолог.
Что дрожит там в гуще ёлок?
Нет ли немцев? Что-то чудно..
Что-то слишком уж безлюдно.
Там вон, в хвое – вроде двое?..
Чтоб душа была в покое –
Поджигай дома, братва!!
Эх, займетса живо-мило!
Да не снизу! – под стропила! –
Под стропила, голова!..
Пусто ль ехать нам, ребятки,
Немцу память не оставив?! –
Без команды, в беспорядке
Там и сям, гляди, – десятки
Дымно-красных мутных зарев!
Ну ж и крепко, ну ж и ловко
Отомщаем мы врагу! –
Всё в огне! ищи ночевку!

Видно, спать нам на снегу.
Ладно! Нам выходит туго,
Ну, и ехали ж не зря:
Расцветает над округой
Небывалая заря!
И несется наша лава
С гиком, свистом, блеском фар –
Кляйн Козлау, Гросс Козлау –
Что деревня – то пожар!
Всё в огне!! Мычат коровы,
Заперты в горящих хлевах, –
    Эх, милаши,
    Вы не наши!
Нам самим бы по-здорову...
И направо, и налево
Вьются, рвутся, пляшут змеи!
С двух сторон взнеслось столбами,
С двух сторон сплелось над нами,
Пылью огненной, звездами,
Искрой, блёсткой, головнями
Так и сыпет нам на шею.
Ветер огненный по школе
В книгах рыскает, голодный.
Самодельно крыты толем

Шесть машин моих походных.
Нам самим бы не сгореть тут!
На подножку. Смех и грех.
И кричу в румянном свете:
«По махальщику – наверх!»
Взобрались. Полой шинели
Машут, пашут, отметают.
Ну, спасибо, пролетели!
Ухо-парни, службу знают!

Площадь. Сгрудились машины.
Жили, дьяволы, богато!
Вот когда вы, ИМЕНИНЫ
НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА!
Шнапс хлобыщут из бутылки,
Тащат смокинги в посылки –
Что ты будешь с солдатней?
Кто-то скачет на кобылке,
Крестит небо головней.
Разбрелись, пируют, шарят.
В лица пышет, в лица жарит.
В золотом огне сгорев,
Провалилась крыша в хлев.
Из-под новых темных кровель

Валом валит черный дым –
Завоёванного кровью
Никому не отдадим!
Кто-то, руки в растопырку,
Загонявшись, ловит кур, –
И над всем возносит кирка
Свой готический ажур.
Д' ну ж и жарко, д' ну ж и ярко,
    Как при солнце,
    Будто днем!
Как бы кирку нам под арку,
Вон, под верхнее оконце,
Подцепить бы язычком?!
Пир и власть! Ликует хаос!
Ничего душе не жаль!
Кто-то выбил дверь в Gasthaus
И оттуда прет – рояль!!
В дверь не лезет – и с восторгом
Бьет лопатой по струнам:
«Ах ты, утварь! Значит, нам,
Не достанешься, бойцам?
Не оставлю Военторгу,
Интендантам и штабам!»
Кто-то бродит беззаботно,

Знатно хряпнул, развезло, –
И со звоном палкой вотмашь
Бьет оконное стекло:
«Где прошел я – там не буду!
Бей хрусталь, дроби посуду,
Вспоминайте молодца!
Добро ль, худо ль, янки-дудль,
Лам-ца-дрица! лам-ца-ца!»
Рвет и рвет, как склад патронов,
Черепицу сгоряча.
Вдоль деревни запаленной,
Красным светом озаренный,
Сыпет Ванька ублаженный
И – в гармонику сплеча:
«Ра-азменяйте мне сорок миллионов
И купите билет до Сергача!!»
Знай лады перебирает,
И коровы умирают,
Обезумевши мыча.
«Заплатил братан мой смертью,
Заплатить бы мог и я...»
«По машинам! Что вы, черти!
Впереди добра, друзья!!...»

И – к пожару от пожара,
Снег под скатами буря,
И выхватывают фары,
Мертвым светом серебра,
Нескончаемую просадь
Буков, липок и дубков,
Гильзы, ящики набросом
И обломки передков.
Снова зарево растет.
Локоть, мостик, поворот –
Всё в огне! Но чудеса:
Заводские корпуса
Пощадили небеса
И столпившийся народ
У распахнутых ворот.
Мне стучит в стекло кабины
Лейтенант неутомимый:
«Разрешите выслать взвод
На разведку в спиртзавод?
Десять новеньких канистров
У меня, вишь, завалились...»
«Но – ни капли в рот! И быстро!»
«Для науки! На анализ!»
«Знаешь, там этил, метил...»

Но уже он соскочил.
Взявши в руки большемерный
С долгим череном черпак,
Ловко взлазит на цистерну
Старый бес, седой казак.
Помахал толпе папахой,
Окрестился вольным взмахом:
«Помолитесь, христиане!
Умираю – ради вас!»
Зачерпнул, понюхал, глянул –
Опрокинул, будто квас.
Крякнул, вытер сивый ус:
    «Ух, чертяка!
    И спиртяка!
Навалитесь, добры люди!
    Хоть за вкус
    Не берусь,
Горяченько будет!!»
Не дослушав, повалили:
Ай, спасибо казаку!
Коммиссары – разрешили!!
Трибуналы – в отпуску!!

Снова катим, снова катим

По пылающей земле,
И мотив из Сарасатэ
Так и вьется в уши мне –
Неотстанный, непоборный,
Зов лукавый, не военный:

«Этот веер черный!

Веер драгоценный!»

Величаво и зловеще
Труд пылает вековой.
Пламя плещет, пламя хлещет
У меня над головой.

То багрово, жирно, жадно
Языком махнет в окно,
То над башенкой оно
Располощется нарядно,
Златоструйно, многоскладно,
Огневое полотно.

И опять он, и опять он,
Из-за черно-красных пятен,
Зол, торжественен, понятен,
Соблазнительно игрив,
Тот же дьявольский мотив,
Тем же крадущимся скерцо,
Всё сильнее, всё сильнее:

*«Ну, какое сердце
Устоять сумеет?!...»*

Что ж, гори, дыми, пылай,
Трудолюбный гордый край.
Средь неистовства толпы
Мести в сердце не ношу.
Не сожгу в тебе щепы.
И дворца не погашу.
Я пройду, тебя не тронув,
Как Пилат омыв персты.
Меж тобой и мной – Самсонов,
Меж тобой и мной – кресты
Русских косточек белеют.
Чувства странные владеют
В эту ночь моей душой:
Ты давно мне не чужой.
Нас сплело с тобой издавна
Своевольно, своенравно.
Шли в Берлин прямой чертой,
Я с надеждой, с беспокойством
Озирался – не свернуть бы.
Я предчувствовал, Ostpreussen,
Что скрестятся наши судьбы!

Там, у нас, погребено
Пылью лет, архивов тайной
То, что вами взнесено
Спесью башен в Хохонштайне,
Что забыть мне не дано,
Знать и помнить велено:
Как четырнадцатым годом
Вот по этим же проходам,
Межозерным дефиле,
Вот по этой же земле,
В шесть солдатских переходов
От снабженья, от тылов, –
За Париж, за чудо Марны
Гнали слепо и бездарно
Сгусток русских корпусов.
Без разведки и без хлеба
Гнали в ноги Людендорфу,
А потом под синим небом
Их топили в черном торфе.
Шедший выручить, от смыка
Был отозван Нечволодов... –
Затая в себе до крика
Стыд и боль того похода,
В храмном сумраке читален,

Не делясь, юнец, ни с кем,
Я склонялся над листами
Пожелтевших карт и схем,
И кружочки, точки, стрелки
Оживали предо мной
То болотной перестрелкой,
То сумятицей ночной.
Жажда. Голод. Август. Зной.
Дико вскинутые морды
Рвущих упряжь лошадей
И не части – орды, орды
Обезумевших людей...

А теперь несется лава
С гиком, свистом, блеском фар:
Виндткен, Ваплиц и Орлау –
Что деревня – то пожар!
Роют, треплют и ворошат,
Самоходки стены крошат,
В прорву проволок и надолб,
Поверх сровненных траншей
Валит русская громада
Жерл, моторов и людей!
Только-только осветило

Лес и поле серым светом, –
Небо всуплошь кроют ИЛы
К немцу с утренним приветом!
Гулом радостным победы
Полнят душу, дразнят слух:
Пушки-гаубицы едут
Ста пятидесяти двух –
Чтоб поспеть, не спя ночами,
Тракторами-тягачами
Тарахтят без остановки
(Сколько вешишь – там не спросят);
Лихо вихрем левой бровкой
Студебекеры проносят
Легкой стайкой трехдюймовки –
«Эй, труба! Конец держи!»;
На три четверти Доджи
Мчат и мчат *сорокапятки*,
Те, что с горечью ребятки
«Прощай, родина!» зовут;
Вперебой им, там и тут,
Шатко, валко, вперепрыжку
По раскатанной земле –
Минометы-коротышки
За задками Шевроле;

А для самой модной драки,
Кто не видел – посмотри,
Тянут янки-автотраки
Пушки русских БС-три! –
Друг за дружкой, друг за дружкой
Едут новенькие пушки,
Долгоствольны, дальнобойны,
Нет таких еще нигде,
До прорыва бьют спокойно
С огневых, как АДД.*
Чуть прорыв – туда их ветром,
На наводочку прямую,
Тигру на два километра
Прошибают *лобовую!*
Поздний плод большой науки,
Проползают танки-щуки!
Снявши с рельс своих полотна,
Чередой, в притирку, плотно,
Не идут – плывут заботно
С полным грузом спелых мин
Три восьмерки *катерин.*
Год назад оравы пешей
Что тянулось вдоль шоссе! –

---

* АДД – Артиллерия Дальнего Действия.

Умудрил теперь их леший,
На машинах вся и все!
Обнаглевшая пехота
Переделалась на *мото*,
Бронебойки и зенитки,
Пулеметы и пожитки,
Связь и хим -, дери их прах -
Всё уселось в кузовах!
Нет пути! Дорогу ширя,
Целиной гремит в обгон
Танков Т-тридцать четыре
Бесшабашный эшелон!
Снег и землю с лязгом роет.
Мчат казаки конным строем
С красным ленточьем лампасов,
Остро вскинув плечи в бурках! -
С каждым часом, с каждым часом
К Найденбургу! к Найденбургу!

В Найденбурге рвет огонь
Добрый камень старой кладки.
Город брошен в беспорядке,
Взят в наживной лихорадке,
И, за немцами вдогон,

Тут же брошен, снова взят
Новой лавою солдат.
Ни гражданских, ни военных
Немцев нет. Но в теплых стенах
Нам оставлен весь уют –
И сквозь чад, сквозь дым, сквозь копоть,
Победители Европы,
Всюду русские снуют,
В кузова себе суют
Пылесосы, свечи, вина,
Трубки, юбки и картины,
Брошки, пряжки, бляшки, блузки,
Пиш-машинки не на русском,
Сыр и круги колбасы,
Мелочь утвари домашней,
Вилки, рюмки, туфли, гребни,
Гобелены и весы, –
А на ратуше, на башне,
Прорываясь в дымном небе,
Уцелевшие часы
Так же честно мерят время
Между этими и теми,
Меж приходом и уходом,
Тем же ровным-ровным ходом,

Лишь дрожат едва-едва
Древних стрелок кружева.

Стройной готики обвалы
Догорают как завалы,
Узких улиц поперек.
Пробки, сплотки и заторы,
Тем не к спеху, этим скоро, –
По ступенькам, на порог
Прут российские шоферы
Перекосом, залихватски,
Набекрень – пройдем везде!
Мы привычны к азиатской
Тряске, ломке и езде!

Угол улиц. Кем-то встарь
Втащен, брошен здесь дикарь –
В сто пудов валун скалистый.
Из него, сечен резцом,
Выступает хмурый Бисмарк
С твердокаменным лицом.
А под Бисмарком стоит –
Чудо-юдо рыба-кит!!
Сколько едем вширь и вдоль,

Ну, такого не видали:
Вынес русским хлеб да соль –
Гля! немецкий пролетарий!
Да с салфеткой, да на блюдо.
– Что ты вылез? – Ты откуда?
– Пекарь, что ли? – Ладно, ехай!
– Он живой? А ну пошпрехай!
Может, кукла?..

На вопросы
Распрямляется в ответ:
Ich bin Kommunist, Genossen!
Я вас ждал двенадцать лет!..»
Лейтенант затылок чешет:
Может правда, может брешет,
Может, враг, а, может, свой,
Трать на них, собак, конвой...
– Отведите в *полковой!*

Фронт волною, фронт волною.
Дома в два зайти конвою,
Шкаф прошарить и столы, –
И у этой же скалы
Из седла не обернется,
Смотрит карту капитан.

А у немца сердце бьется:
«Höchste Freude!.. Rote Fahn'!..
KPD und VKP!..»

Перевел ремень бинокля:
– Где ты взялся, будь ты проклят!
Отвести на ДивКП!
– Ну, пошел! С тобой тут, с фрицем!..

Фронт катится, фронт катится.
Тот же Бисмарк, тот же угол,
Но в сомненьи и в испуге
Угасает немца взор:
«Wenn ich möchte.. meine Leben..
Meine Krafte.. ich.. soeben..»
– Гад! Шпион! Завел молебен! –
Пишет в Виллисе майор:
«СМЕРШ. С приветом. Соловьеву.
Шлю какого-то чумного.
Разберись там, оперчек,
Что за чорт за человек.»
Морщит лоб суровый Бисмарк.
Ветром дым относит быстро.
Канцлер глыбу как ковчег,
Словно взяв ее навздым,

Высоко несет сквозь дым.
И отводят коммунара
От подножья валуна.
Он кричит мне с тротуара:
«Gnädig' Herr!.. Моя жена!..
Höringstraße, zwei und zwanzig!..
Dies unwürdig' Komödie..
Я вернусь!..»

Вернешься, жди..
Иностранцы, иностранцы!
Ой, по нам, младенцы вы...
Ой, не снести вам головы...

Zwei und zwanzig, Höringstraße.
Дом не жжен, но трепан, граблен.
Чей-то стон стеной ослаблен:
Мать – не на смерть. На матрасе,
Рота, взвод ли побывал –
Дочь-девчонка наповал.
Сведено к словам простым:
НЕ ЗАБУДЕМ! НЕ ПРОСТИМ!
КРОВЬ ЗА КРОВЬ и зуб за зуб!
Девку – в бабу, бабу – в труп.
Окровлён и мутен взгляд,
Просит: «Töte mich, Soldat!»

Уж темна, не видно ей:
Я – из них же, я-то чей?..
Нет для вас больниц, врачей.
Сплав стекла в местах аптек.
День сереет, тает снег...
Жил да был Parteigenosse,
Не последний и не первый,
Легший гатью под колеса,
Под колеса Коминтерна.
Русский ход державный, славься!
Мне сейчас бы трахнуть шнапса.
А еще повеселее –
Закатиться по трофей!

На ловца и зверь бежит:
Мимо почты путь лежит.
Этот корпус трехэтажный
Через час огонь охватит,
А запас, запас бумажный –
Век пищи, и на век хватит!
Хоть пригладь ее щекою,
Хоть сожмурься, так бела. –
Я б с бумагою такою
Не поднялся б от стола.
Придиришь, чего здесь нету,

Канцелярская душа?
Всякой жесткости и цвета
Триста три карандаша!
Не щепятся, не занозны,
Древесина их мягка,
Без усилий, грациозно
Нажимает их рука.
Кох-и-нор, почтенный Фабер,
Век Европе послужил.
Ну, а если бы теперь я
Понемножечку хотя бы –
Эти ручки, эти перья,
Эту радугу чернил
В пузырьках с притертой пробкой,
Эти сколки, скрепки, кнопки,
Папки, книжечки, коробки –
Да в машину погрузил?
Покраснею ль от стыда?
Как я жил? Бумаги гладкой
В ученической тетрадке
Я не видел никогда:
Перья рвут ее, скребут,
В грязь до дыр резинки трут;
Словно лимфа крокодила
Водянистые чернила –

И они на ней плывут.
Грифель – глина: чинишь, чинишь,
Вдруг насквозь весь грифель вынешь;
Купишь мягкий, «В», зараза, –
Режь им стекла как алмазом.
И мертвеет вдохновенье,
Мысль роняешь камнем ко дну, –
Как же мне без восхищенья
В этот зал войти сегодня?
Как искатель кладов рыщет,
Обезумев по пещерам,
Так хожу здесь алчный, нищий,
Лишь одетый офицером.
Уж теперь, когда пришел к ним,
Только пальцами прищелкну:
То – забрать! и это – тоже!
Перед кем краснеть я должен?
Я б указчика такого
Да послал пожить в Союзе.
– Старшина! Вот это всё вот
Пусть ребята грузят в кузов!

А пока тащат да валят,
Узкой улкой нам в обгон
В дымке смеси, в лязге стали

Мчится танков эшелон.
А пока мотор заводят,
Левым боком нас обходят,
Чтоб поспеть подальше к ночи,
Всё, что взято – приторочив,
Бросив всё, что не с руки,
Удоволены победой
И гулянкой, и обедом,
Ухмыляясь, казаки.
В нашей жизни беспокойной –
Нынче жив, гляди – убит, –
Мил мне, братцы, ваш разбойный
Не к добру веселый вид.
Выбирали мы не сами,
Не по воле этот путь,
Но теперь за поясами
Есть чем по небу пальнуть!
Так не зря же! Так не жаль же!
Худо-бедно наворачиваем!
Скачем дальше! катим дальше!
В Алленштайн! в Алленштайн!!

Алленштайн только взят,
Взят внезапно час назад

Конно-танковым ударом,
Ни сплошным еще пожаром,
Ни разгулом не объят.
Домы полны. Немцы в страхе,
Запершись в ночном тепле,
Стука ждут в тревожной мгле.
Ночь горит: горящий сахар –
Фиолетовое пламя! –
Растекает по земле.
Дрожь огней, лиловый трепет!
Льет из склада меж домами
Чай шальной, что нами не пит.
Если в валеных сапожках,
Обходи кругом, Митрошка,
Обходи шагов за сто!
Не смотря, что снег растоплен,
Два узбека в луже с воплем
За вечернее манто
Ухватились, уцепились,
Не уступят ни за что.
Свет лилов, лиловым мехом
Отливает. На потеху
Третий, русский, закричал им:
«Погоди! Обоим дам!» –

Подскочил к ним и кинжалом
Перерезал пополам.
В кой бы дом искать добычу?
Где богаче? где верней?
Ванька в дверь прикладом тычет,
Глядь – а Дунька из дверей! –
Что по туфлям, по зачёсу,
Джемпер, юбочка, ну – немка!
Тем лишь только, что курноса,
Распознаешь своеземку.
Руки в боки, без испуга
Прислонилась к косяку.
«Кто ты есть?» – «А я – прислуга.»
«Будет врать-то земляку!
Ни подола, чтоб захлюстан,
Ни сосновых башмаков, –
Пропусти!»

– «Да кто ж ты пустит?
Пьяный, грязный, тьфу каков!»
К парню – новые солдаты,
Девка речь ведет иначе:
«Погодите-ка, ребята!
Покажу вам дом богаче!
Немок-целок полон дом!»

«Чай далеко?»

«За углом!

Потружусь уж, покажу,
Как землячка, послужу!»
Дверь захлопнув за собою,
Налегке перед толпою
Убегает, их маня
В свете синего огня.
За углом исчезли круто,
Стуки, звоны и возня,
И еще через минуту
Где-то тут же, из-за стенки,
Крик девичий слышен только:
«Я не немка! Я не немка!!
Я же – полька!! Я же полька...»
Шебаршат единоверцы,
Кто что схватит, где успеет, –
*«Ну, какое сердце
Устоять сумеет?!...»*

Алленштайновский вокзал
Только-только принимал
Пассажиров, кто бежал
Вглубь, в Германию, на запад,

И о том, что он внезапно
В руки русские попал,
Там, восточнее, не знают,
Отправляют, отправляют
Мирных жителей сюда,
Женщин, девушек-беглянок,
Малых, старых поезда,
И соседний полустанок –
Расхлестнувшийся, туда
Не дошел передний край –
Перед каждым эшелонном
В черном лаке телефона
Слышит мерно: «Strecke frei»*
«Strecke frei!» – весь бой, весь вечер,
Ночь до утра шлет им, шлет им
Аленштайновский диспетчер –
Не чужой, не русский, – свой!
Немец! в светлых каплях пота
Затаенный, восковой,
Ходит роботом. Пред ним,
Выдыхая черный дым,
За столом – майор огромный,
Службы общевойсковой,

---

* Путь свободен.

Обожженный, смуглый, темный,
С пышной черной бородой, –
    Саблю – на стол,
    Ноги – на стул,
В голевом тулупе белом.
Спирт, сопя, из фляжки хлещет.
Выпьет – взглянет осовело.
Перетянут, перекрещен,
Грозен, зол, не жди добра,
На боку в распах, зловеще,
Пистолета кобура.
У майора ординарец
Расторопен образцово:
Опростав походный ларец
На пол зала изразцовый,
Мебель шашкой нащепя,
Оглянулся вокруг себя –
И костер повеселу
Вот уж брызжет на полу.
Котелки и сковородки –
Всё шипит в порядке четком,
И *домашние* консервы
Оживают в кипятке,
И вторая вслед за первой

Тонет *курка* в чугушке.
Парень весел, хлопец вражий,
Напевает, стопку в раже
Опрокинет налету, –
И порхают хлопья сажи
В электрическом свету.
Доглядась сквозь дым махорки,
Вижу я: майор не спит, –
Мутен, пьян, устал, но зорко
За диспетчером следит.
А диспетчер, сгорбясь зябло,
Опершись о стол ослабло,
Путь и поезд пишет в книгах,
В перезвонах, в перемигах
Ламп, сигналов и звонков,
    Как привычно,
    Механично
Аккуратен и толков,
Эшелоны принимая,
Одноземцев отправляя
В жизнь иную, в ад и в рай,
Мерной фразой «*Strecke frei*».
В час четырежды по зданью
Отдаются содроганьем

Тяжесть мощных паровозов,
Поездов катящих дрожь.

А майор совсем не грозен.
Доглядеться – он похож
На дворнягу: добродушен,
В лохмах черных. Заломя,
Насторожил шапки уши,
И одно торчит торчмя.
Душ запахнутый простор! –
Фронт! Как будто с давних пор
Мы знакомы – руку, руку!
Ты – куда? откуда? – я?
Я – звукач, ловлю по звуку,
Да не слышно ни...
– Штаба фронта, из Седьмого.
Разложенье войск противных.
– А! про вас историй дивных
Я наслышан. Сам *с какого?*
Где бывал?
– Под Руссой.
– Ловать?
– Как? И ты?
– Ну да, и мы

С первых месяцев зимы.

– Генка! Кружки! Выпить повод!

Это ж редкостный земляк!

А Осташков?..

– Бор, Марёво..

Церковь, горка и овраг?

– Лупачиха?

– Озерище..

– Где потом?

– Орел.

– Дружище!

Становой Колодезь?

– Ляды!

Мы же были...

– Мы же рядом!

Лютый Корень!

– Русский Брод!

Зуша!

– Чаполоть!

– Заплот!

– Мост и ров... Да ты присядь!

Генка! Скоро там пожрать?..

Я – *запас*.

– И я – *запас*.

Где бы *кадрам*, *entre nous*,
Без запасников, без нас,
Эту б выиграть войну!
Кем был *до*?

В косматой шкуре,
В гуле гибнущей земли:
– Я – доцент литературы
Из московского ИФЛИ.
– Из МИФЛИ?!

Без шапки...

– Ба!

Я вас видел там! Судьба!
Только эта борода
Не росла у вас тогда.
– С сорок первого. С обетом –
Не сбривать до дня Победы.
– На лице не помню шрама.
– Ильмень-озеро. Раненье.
В ярком верхнем освещеньи
Узнаю, каков был там он:
«Век великий Просвещенья!
Век Вольтера! Век Бентама!»
Мудрецов по стенам лики.
У студенток трепет век.

«Восемнадцатый, великий,
Человеком гордый век!»
Помню, помню! Свеж, разглажен,
Остроумен, оживлен,
Вёрток, прост, непринужден,
В смелых выводах отважен,
Красноречием палим,
За звонок читал, и даже
Коридором шли за ним.
А теперь отяжелели,
Разжирели я и он,
Еле-еле, еле-еле
Набираем мы разгон –
И взхлёб, бесперебойно,
Торопливо, беспокойно,
Пьем ли, курим ли, едим –
Говорим и говорим.
Книгам клич! Сейчас он царь их,
Он – на память в их строках.
Жизнь живая блещет в карих
Протрезвившихся глазах.
Трижды клятые вопросы –
Русь, монголы и Европа –
Расстегнулся, шапку сбросил,

Чуток, тонок, мягок, тёпел.
Будто грудь его дыханьем
Разорвала тесный обруч,
Говорит он о Германьи
Понимающий и добрый, –
Но разведенные плечи
Высоко несут погоны,
И – лунатиком диспетчер
Принимает эшелоны.

И – казаки по вагонам.
Звон от сабель. Стук прикладов.
«Вы-ходи!» И по перрону
В шубках, в шляпках, в ботах, стадом –
«Без вещей, как есть!» – бессильных
Перепуганных *цивильных*
Всех пешком на пункты сбора
Снегом розовым сквозь город,
Отбивая по пути,
С кем вольно им провести
В подворотне, там ли, тут,
Вгоряче пяток минут.
Генерал из интендантов
С ординарцем, с адъютантом,

Ходит с палочкой, хромой,
Остриём ее, как щупом,
Чуть брезгливо между трупов
Отбирая, что домой.
И едва укажет стэком
Шарфик, перстень, туфли, ткань ли, –
Взято вподхватъ челаэком,
Утонуло в чемодане.
Чемоданов с ними три,
Всё поместится внутри.
Буйной ярмарки товары
По платформам, по путям –
С пылу, с жару, шаром-даром
Разбирай ко всем чертям! –
Две корзины венских булок,
Узел дамского, грехи,
Сигареты из Стамбула
И французские духи!
Ну, беда, куда всё денешь?
Шелковà белья наденешь
Восемь пар, шинелка туго.
Солдатня столпилась кругом
У покинутой коляски,
Голубой,

Да кружевной:
«Вот – младенец.
Он ведь немец!
Подрастет – наденет каску.
Рассчитать его теперь?
Есть приказ Верховной Ставки!..
КРОВЬ ЗА КРОВЬ!»

– «По пьяной лавке
Говоришь или стрезва?
Сам ты Ирод, поп твой зверь!»
«Дед! Не я ведь! Дед! – Москва!»

«По машинам!» Снова в путь.
Ни вздремнуть, ни отдохнуть.
Как в цветном калейдоскопе,
Катим, катим по Европе,
От бессонницы, от хмеля
Окрылели, осмелели.
Всё смешалось, всё двоится –
Перекрестки, стрелки, лица,
Взрывы, встречи, мины, раны,
Страхи, радость, зло, добро,
Прусских ночек свет багряный,
Прусских полдней серебро.

То шоссе, то вперекрест
Две слезы, и все в объезд.
Путь меняет рок железный.
Проплывает, как во сне:
Где-то в тихой, непроездной
Заснеженной стороне
Чей-то дом уединенный,
Лес нетронутый за ним,
Чья-то шумная колонна
На печной свернула дым.
Чуть моторы заглуша,
Греться спешили, спеша.
Вкруг спины колотят зябло,
В дом! Хохочут: «*Матка, яйки!*»
И подносит им хозяйка
Наливных сквозистых яблок.
Расхватали, походили.
Меж зубов морозный похруст.
Дай хозяйку застрелили,
Пух ковра обрызгав вò кровь,
Муж в кровати – долечили
Автоматом заодно.
Лишь мальчонок, их внучонок,
Умелькнул, раскрыл окно,

За забор, прыжок! прыжок!
    Как зверенок,
    Как зайченок
Поле к лесу наутёк,
Уклоняясь и юля;
Вслед с дороги чуть не взвод,
Беспорядочно паля:
– На спор! – Ранен! – Есть! – Уйдет!
    – На-ка! На-ка!
    Ах, собака,
Убежал. Ну, подрастет...

В свете солнца больно глянуть:
Поле снежное искряно,
Ни слединки колеса.
В пухе снега, в блестках льдяных
Безмятежные леса.
Там, у нас, по русской шири
Фронт стоял, и нет лесов,
Осталась сплошная вырубь
От военных топоров.
Блиндажи перекрывали
Наших сосенок стволы.
Жалко, здесь не воевали –

Ишь, стоят горды, белы,
Русской нет на них пилы!..
Синим льдом сверкнут озера,
Белизной увиты реки.
В селах – дуб комодов, шторы,
Пианино и каминны,
Радио, библиотеки.
Словно путь проспектом Невским –
В каждом доме Достоевский,
Полный, розный, а в одном
Даже рукопись о нем.

Нам навстречу понемногу
Оживляются дороги.
Итальянцы, дай бог ноги,
Из союзной им земли
Так же голы, как пришли,
О добытке не тревожась,
На морозе жимко ёжась,
Каблучишками стучат,
Скалят зубы и кричат,
Машут русским в честь победы.
Р-разбегайся по домам,
Рим, Неаполь и Милан!

Увязав велосипеды
Кой-каким подручным грузом,
Предприимчиво французы
Крутят, отбив вражий плен,
На Париж и на Амьен.
Не теряйся, молодцы!
В синем, в рыжем и в зеленом
Валят сбродом возбужденным.
Пан усатый под уздцы
Фуру горкою спускает,
Через верх нагружена,
Холст трофеи прикрывает,
И лицо от нас скрывает,
Застыдясь, его жена.
Видно Машку под платочком
И на козлах у поляка.
– Эй, краса! молодка! дочка!
Ты куда же?
– Мы под Краков.
– Ай, девчонка, ходим с нами!
Забодает ведь усами!..
Мир кружится каруселью,
В семь небес пылит веселье,
Всем на свете прощено,
Но...

Строем зачем-то шагают виновно
Русские. Пленные. Безостановно.
Спины промечены едкими метками.
Это клеймо не затравишь ничем.
Лиху дорожку под сниклыми ветками
Топчут, задумавшись сами: зачем?
К пиру не прошены, к празднику не званы,
В мире одни никому не нужны,
Будто склонясь под топорное лезвие,
Двигутся к далям жестокой страны.

Немцев долгие обозы
Из фургонов перекрытых
Вдоль дорог скрипят, скрипят,
Наступленьем нашим грозным
Где-то северней отбиты
И повернуты назад.
Под брезента долгий боллок
Скрывши утварь и семью,
У развилка на проселок,
Сбочь шоссеиной, на краю,
Терпеливо ждут просвета
В нескончаемом потоке,
Цепенея перед этой

Силой, грянувшей с востока,
И, безвольные к защите,
Прячут голову меж плеч,
Грабь их, бей их, подойди ты,
Чтоб коней у них отпречь.
Но, насытись в наступленьи,
Как по долгу службы, с ленью
Теребят их захоронки
Наши парни, ковка, звонко
Проходя дорогой торной.
Взять – оно бы не зазорно,
Да ведь возят барахло,
А в *посылку* – пять кило...
Всюду женщины – в обозе,
Под тряпьем в любом возке,
Разордевшись на морозе,
Нам навстречу налегке
По две, несколько. Одна,
Белокура и пышна,
Распрямясь, идет не робко
Вдоль шоссе по крайней тропке
С несклоненной головой
В рыжей шубке меховой,
В шапке-вязанке с портфелем.

Чуть минует с осторожкой
В туфле маленькою ножкой
Занесенные трофеи,
Где укрыто, где торчит
В небо четверо копыт.
Мы – в заторе. По две, по три
В ряд машины. Кто прыжком
Греет ноги, кто бежкой.
Глаз не прячет, смело смотрит,
Каждым взглядом нам дерзя,
Будто взять ее нельзя.
На подвижном белом горле
Врòспашь меха – шарф цветной.
С батареей нас затерло,
И в машине головной –
Opelblitz из Wehrmacht'a
Плавный ход и формы гнуты,
Утонув в сиденьи мягком,
В полушубок я закутан.
Чуть щекочет шею шерстка..
Чтоб не спать – сосу конфетки.
Светит зелено двухвёрстка
В целлулоиде планшетки.
Я и вижу и не вижу,

Как подходит немка ближе,
Как, солдат завидя, шаг
Убыстряет свой и как,
Колыхнув большой фигурой,
Ничего не говоря,
К ней шагнул сержант Батурин,
Цвет-блатняга, на Амуре
Отбывавший лагеря.
С ним и Сомин напряженно
Подошел и приглушенно
Приказал: «А дай-ка портфель!»
Так же выпрямленно-гордо
Стала. «Что там? Покажи-ка!»
Густо краска разошлась.
Расстегнула и как выкуп
Протянула: «Bitte, Schnaps».
В литр бутылка. А налито
Треть ли, четверть ли от литра.
Чуть скосясь на Untermensch'ей
Ждет струной, в румянце. Раса!
Жду, сощурясь – не возьмут ли? –
Грамм по триста в день, не меньше,
Из возимого запаса
Выдаю. Батурин мутно

Глянул, руку протянул, –
Сомин – хватать, и как гранату
В снег нетронутый швырнул.
«Низко русского солдата
Ценишь, девка!»

И портфель
Вырвал, вытряхнул – сорочка,
Гребни, письма и платочки,
Фотокарточек мятель...

Предо мной – газета, карта,
Отмечаю ход фронтов:
Если здесь и здесь удар, то
В феврале мы здесь, а в марте...
«Что тебе?» Суров, без слов,
Сомин мне в окно кабины
Фотоснимок подает –
Взгляд надменный; снят мужчина;
В форме; с лоском; оборот:
«Meiner innigst g'liebter Braut
In dem Tag... im Garten, wo...»

– Ну, так что ж? Отдай ей. Право,
Я не вижу ничего.

– Как, а свастика?

– Да, верно,

Нарукавник.

– Так жених

Из SS?

– SS, наверно...

Черт их знает, как у них...

И – махнул рукой на миг...

Знак, орел, сукна окраска, –

Кой их леший разберет,

Что такую же повязку

Arbeitdienst носил и Todt.

Что-то дрогнуло в заторе,

Заработали моторы,

И, уже снимаясь с места,

Я увидел: от невесты

Сделал Сомин шаг назад,

Снял Батурин автомат

И – не к ней, а от нее! –

Тело выбросил свое.

Без сговора, полукругом,

Словно прячась друг за другом,

Шаг за шагом, три, четыре,

Молча, дальше, шире, шире –

Что? Зачем? Собрать нагнулась –
– Оглянулась –
Поняла! –

Завизжала, в снег упала
И комочком замерла
Как зверок недвижимый, желтый...
Автомат еще не щелкал
Миг. Другой.

Я! – зачем махнул рукой?!
Боже мой!
Машина! стой!
«Эй! ребята!..»

Автоматы –
Очередь. И по местам...

.....

«Ладно. Трогай, что ты стал?..»

Как свежа!.. И в чьем-то доме
Будут ждать ее и след
Вдоль дорог искать. Но Сомин,
Дома не быв много лет,
Тоже ждал и тоже шел,
И к гробам родных пришел.
Как-то немца пожилого

В лес завез он и убил.
И тогда б – довольно слова!..
И тогда я рядом был...
В самом пекле, в самой гуще
Кто же знает – чья вина?..
А откуда? Разве лучше
Из веков она видна?
Кто здесь был – потом рычи,
Кулаком о гроб стучи,
Разрисуют ловкачи –
Нет кому держать за хвост их –
Журналисты, окна РОСТА,
Жданов с платным аппаратом,
Шагинян, Сурков, Горбатов,
Старший фокусник Илья...
Мог таким бы стать и я...
Победим – отлакируют,
Колупай зарытый грех...
Все довольны, все пируют –
Что мне надо больше всех?
Всё изгрыз в моем рассудке
Вечный червь – самоанализ...
Может, считанные сутки
В этой жизни мне остались?

Холод чина, суд да власть, –
Как учил индус Чарваки –
А мои плоды и злаки?
А моя когда же часть?
Был «жемчужиной в уборе
Атеистов» тот индус,
И скрестить с ним речи в споре
Я сегодня не найдусь.
Carpe diem! – гедонисты
Нас учили – ДЕНЬ ЛОВИ!
Дни осыпятся, как листья,
Загустеет ток крови.
Все слабей, бледней и реже
Острота и вспышки чувств...
Все так делают. Не мне же
Возражать тебе, индус!
ВСЕ ТАК ДЕЛАЮТ! Бесплодна
Белизна идей и риз:
Жизнь подносит кубок – до дна!
И – сухим раструбом вниз.
Слышишь, слышишь зов упорный,
Шелком скованный, покорный,
Шелестящий, сокровенный:

*«Этот веер черный!
Веер драгоценный!»*

Словно волосы Медузы,
Голова войны лохмата.
Сердце пьяного солдата
Из Советского Союза –
Жальте, жальте, жажды змеи! –
Распахнулся черный веер,
Черный веер Сарасатэ!
В краткий счет секунд и терций
Он нам зноем жизни веет:

*«Ну, какое сердце
Устоять сумеет?..»*

Отобедав, на диване
Затянулся сигаретой,
И в разымчивом тумане
Округляются предметы:
Зеркало и радиола,
В темных изразцах камин.
Белый над кроватью полог.
Пена голубых перин.
Что там было.. Что там будет..
Нет ни завтра, ни вчера.

Пропируем и прокутим
И проспим здесь до утра.
Снежный свет в двойные стекла.
Зимний день уже на склоне.
Как в обернутом бинокле,
Где-то очень далеко,
Старшина в докладном тоне
Хитрым вятским говорком
Рапортует, что расставил
Батарею на постой,
Что жалеючи оставил
Пять семеек за стеной,
Но что тотчас выгнать можно...
Почему-то вдруг тревожно
Сердце вскинулось мое.
Вида не подав наружно,
Спрашиваю равнодушно:
– Женщины?

– Одно бабье.

– Молодые?

С полувзгляда,
Хоть вопрос мой необычен,
Доверительно:

– Что надо.

Ну, не знаю, как с обличьем.
Вот за то, что ты толков,
И люблю тебя, Хмельков!
Чуть мигни – готовый план:
«Я, товарищ капитан...»
Сформулировать мне трудно;
Так бы смолк и взял бы книгу.
«..Полагаю – в доме людно.
Во дворе, видали флигель?
И коровы в хлеве рядом.
Две минуты – и порядок:
Приведу туда любую
Н..надоить нам молока,
Лишь бы, глянувши – какую,
Вы кивнули мне слегка».
Кончено. Не быть покою.
Ласточкою стукоток:
Знать об этом будем двое,
Больше никогда никто.
«Ладно!» – Встал. – «Пошли, Васёк.
Быстро, где они, веди.»
Вышли. Круг. И на порог.
«Ты – поймешь, кого. Следи.»

Пар и брызги пены мыльной.
Утюги. Угар гладильный.
Две кровати. Стол. Корыто.
Боже, сколько их набито!
Не пройти, чтоб не задеть их –
Бабки, мамки, няньки, дети –
Разномастны, разноростны,
От младенцев до подростков, –
Все с дороги сторонятся,
Те не смотрят, те косятся,
Те не сводят глаз с лица
Иноземца-пришлеца.
Стихли крики, речь и гомон,
Лишь шинель моя шуршит.
А Хмельков – как будто дома –
Отвалясь непринужденно,
У двери стоит-следит.
Как неловок! Как смешон я!
Лица женщин обвожу,
Но... *такой* не нахожу:
Кто сбежал в мороз да в лес,
Кто упрятался вблизи...
И зачем сюда я влез?
Чёрт с ним.. – Э... *wie heissen Sie?*

Худощавая блондинка,
Жгут белья крутя над ванной,
Чуть оправила косынку
И сказала робко: «Аппе».
Так.. лицо.. фигура... Да...
Не звезда киноэкрана,

Не звезда...

Лет неплохо бы отбавить,
Здесь и здесь чуток прибавить..
Нос немножко великонек,
Да-к и я ж не Erlkönig.
Шут с ним, ладно, лучше, хуже,
Только б выбратся наружу.
Неразборно что-то буркнув,
Быстро вышел. Следом юркнул
Старшина. В сенях интимно:
«Всё понятно. Вы – во флигель?»
«Я.. туда, но только ты мне...
Неудобно же... не мигом..»
«Разбираюсь! Я – политик!
Всё в порядочке, идите!»

Нежилое. Флигель выстыл.
Хламно. Сумрачно. Нечисто.

В сундуках разворошено.
По полам напорошено.
Острый запах нафталина.
На бок швейная машина.
В верхнем ящичке комодном
Перерытое бельё...
До черемухи ль? – походно
Как устроить мне ее?
Поискал. В пыли нашлась
Подушонка на полу.
Койка жесткая. Матрас,
Кем-то брошенный в углу.
Подошел, брезгливо поднял,
Перенес его на койку:
Жизнь подносит кубок – до дна!
И не спрашивай, за сколько...
Снега нарост раздышал я
На стекле до тонкой льдинки,
Вижу: в этой же косынке,
Лишь окутав плечи шалью,
С оцинкованным ведром
Как-то трогательно-тихо
Анна движется двором;
В двух шагах за нею, лихо,

Как присяге верный воин
Старшина идет конвоем.
Глянул пару раз назад –
Чуть из дому невдогляд:
«Не туда! Э! Слышишь, фрау!
Не туда! Шагай направо!»
С тем же самым в кротком взгляде
Выражением печали
Оглянулась – поняла ли,
И прошла к моей засаде.
Дверь раскрыла – на пороге
Я. И удивленно дрогнул
Рот ее. Не то ошибкой
Показалось ей, что здесь я, –
Извиняющей улыбкой
Ей смягчить хотелось, если
Я подумал, что она
Заподозрела меня.
Стали так. Не опуская,
Всё ведро она держала...
В белых клетках шерстяная
Шаль с плеча ее сползала.
Дар и связь немецкой речи
Потупленно потеряв,

Шаль зачем-то приподняв,
Я набросил ей на плечи.
С рук, от стирки не остывших,
Легкий вздымливал парок.
Нерешительно спросивши,
Отступила на порог...
Шаг к двери непритворенной,
Затворил ее хлопком,
К действиям приговоренный,
Поманил, не глядя: «Kommt!»
Ни пыланья, ни литого
Звона радостного в мышцах...
– Стал спиной к постели нищих
И услышал, что – готова...

С бледно-синими глазами
Непривычно близко сблизясь,
Я ей поздними словами
Сам сказал: – «Какая низость!»
В изголовье лбом запавши,
Анна голосом упавшим
Попросила в этот миг:
«Doch erschiessen Sie mich nicht!»*

---

* Только не убивайте меня!

Ах, не бойся, есть уж... а-а-а...
На моей душе душа...

1950

ROSSEELS PRINTING C°
VAARTSTRAAT 70-72 & 82
B-3000 LOUVAIN-BELGIUM
☎ 3216 23.60.01 (2 lines)